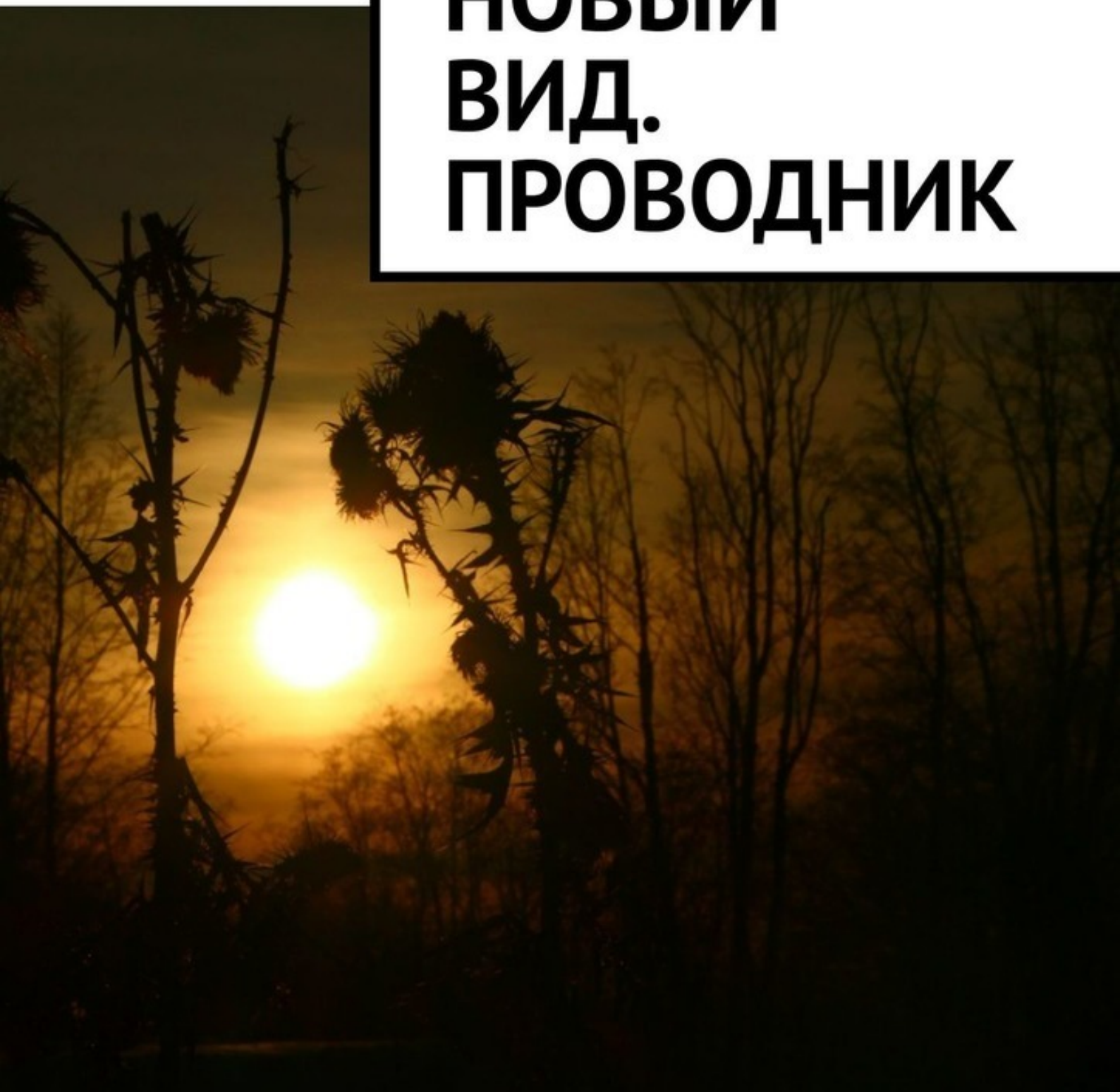

МАРИНА ВИНЕР

НОВЫЙ ВИД. ПРОВОДНИК

Марина Винер

Новый вид. Проводник

«Издательские решения»

Винер М.

Новый вид. Проводник / М. Винер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930563-3

В маленькую деревню пришла большая беда. Что сломало тонкие стенки между тремя мирами? Неудачный научный эксперимент или человеческая безнравственность вызвали в реальность ваши детские страхи? Знакомые персонажи из сказок оказываются демонами; такие простительные слабости оборачиваются разрушительными пороками. Кто выживет в противостоянии? Любители ужасов, вам сюда. Вы прочтете книгу на одном дыхании и будете ждать продолжения. СТРАШНО ИНТЕРЕСНО

ISBN 978-5-44-930563-3

© Винер М.
© Издательские решения

Новый вид. Проводник

Марина Винер

Первое – чудес не бывает. Второе – исключения возможны, но только для злых чудес. А если настало время злых чудес, то бесполезно оставаться добрым.

Сергей Лукьяненко «Черновик»

Непонятное всегда страшно. Хорошо бы научиться не бояться непонятного, тогда все было бы просто.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий «Улитка на склоне»

© Марина Винер, 2018

ISBN 978-5-4493-0563-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глубоко во мраке пещеры многоножка нашла себе уютную нишу. Только что она славно поохотилась в сифоне с теплой водой: там плавали ленивые разжиревшие черви, долгое время пребывавшие в полной безопасности.

Если бы насекомое обладало памятью, оно могло подумать, что попало в рай для многоножек: тепло, есть еда, а темнота – ну что же, ее усики чуяли добычу издалека. Место, откуда ее швырнула сюда непонятная вихревая сила, было холодным и пустынным. И чтобы раздобыть пищу, приходилось либо ползти много дней, либо долго сидеть в засаде. Повозившись в нише, многоножка приготовилась откладывать яйца. А когда ее детеныши вылупятся, она перейдет в новую стадию: покров становился маловат. Обильная еда делала свое дело.

На дрейфующей по Карскому морю льдине нежилась нерпа. Ее белек резвился неподалеку. Самка решила, что настало время урока охоты. Она подтолкнула детеныша к краю льдины. Тот упирался, но пришлось все-таки сползти в воду. На небольшой глубине нерпа сразу поймала рыбину, подплыла к детенышу. Тот схватил добычу острыми зубками, и мать с нерпенком выбрались на другую льдину. Она оказалась довольно далеко от их прежнего места отдыха и тихонько отплывала все дальше.

Неожиданно над морем возникло сияние, замерцало, завибрировало, образовало воронку, которая вращалась все стремительнее. Ледяная глыба, на которой совсем недавно лежали животные, медленно завертелась и вдруг разлетелась на сотни сверкающих кусков. Воронка образовала водоворот, куда мгновенно засосало остатки льдины.

Нерпы равнодушно наблюдали за странным явлением, не в состоянии понять, что они только что избежали гибели.

Через несколько минут воронка начала замедлять вращение, расширилась и вскоре исчезла. Только расходящаяся по поверхности воды рябь напоминала о происшествии, но и она разгладилась.

В глухой тайге, где ближайшее жильё находилось за тысячи километров, болото, затянутое ряской, вспучилось, покрылось огромными пузырями и словно взорвалось изнутри. Вверх полетели корявые столетние пни, фонтаны черной болотной жижи, тучи насекомых и мелких земноводных обитателей. Чудовищный фейерверк продолжался несколько минут, а когда все закончилось, на месте болота осталась огромная яма с илистым дном и берегами. На дне копо-

шила черная груда, похожая на прозрачный мешок с грязью. Груда пульсировала, перетекла, потом выбросила ложноножку, которая осяпав дно вокруг, стала пробираться вверх. Натолкнувшись на поваленное дерево, отросток замер, и в это мгновение с коротким чавкающим звуком тварь исчезла.

АНТОН

Звонок раздался, когда я совсем потерял надежду.

– Ну что, с тебя причитается, – мой бывший однокурсник, а ныне программист спецотдела Института биофизики Женька Рыжов явно был очень доволен собой.

– Нашел? Неужели нашел?

– Ты маньяк, Антон. Занимался бы теорией волн, профессором бы уже был, доктором наук.

– Отстань. Давай информацию, а после поговорим.

– Ну что, охраняют твоего генерала – будь здоров. Адрес я нарыл, не буду уточнять, чего мне это стоило, – Женька хохотнул, – но будет ли тебе прок, большой вопрос. К поселку так просто даже не подойти: камеры наблюдения, трехметровый забор, охранники с берданами. Сразу интересуются, какого лешего тебе надо. А его дача охраняется еще пуще.

– Что, колючая проволока под током?

– Да вроде того, – серьезно ответил мой друг. – На самом деле я не представляю, как ты собираешься к генералу подобраться. Но в любом случае поспеши. Ему за восемьдесят, краем уха слышал, что плох стал. А вдруг в маразме? Со здоровьем у него не очень. Я, конечно, не рассчитываю, что он на старости лет кинется раскаиваться и рассказывать тебе о тех событиях. Но чем черт не шутит, вдруг что-то да узнаешь. В общем, с поездкой не тяни.

Поэтому ранним утром я уже несся по пустой трассе по направлению к коттеджному поселку у деревни Митькино, что на юг от города.

Задумавшись, я чуть не проскочил нужный поворот. Накануне после разговора с Женькой я долго не мог уснуть. Неужели мое дело сдвинется с мертвой точки? Столько лет искать, собирать информацию по крохам, складывать мелкие факты, как пазлы, а потом вертеть их, словно разглядывая с разных сторон, чтобы фрагмент встроился в общую картинку.

На пяточке перед воротами в коттеджный поселок почему-то стояло не меньше десятка машин. Я припарковался у самого выезда с площадки, вышел и стал думать: с каким идиотским вопросом мне подойти к охраннику? Но тут металлические ворота с тихим жужжанием открылись, и показалась похоронная процессия. Впереди медленно ехал катафалк. Шестеро крепких мужиков несли гроб, в котором благостно покоился мой генерал – цель многомесячных поисков. Траурная толпа следовала за усопшим.

Я не чувствовал отчаяния. Я вообще ничего не чувствовал. Прислонившись к машине, смотрел на лицо генерала. За тридцать лет он почти не изменился, вот только смерть придала ему, истеричному и громкоголосому при жизни, тихое спокойствие. Больше не было никого, кто мог бы мне помочь. По крайней мере, я таких не знал. Или не помнил.

Гроб погрузили в катафалк. Родственники и друзья рассаживались по машинам, когда меня кто-то похлопал по плечу. Неприметного вида мужчина тихо поинтересовался: «Антон Ракитин?» и, не дожидаясь ответа, протянул мне визитку.

– Позвоните сегодня, в 21.00, – прошелестел он почти на ухо и скользнул прочь. Через мгновение он уже смешался с толпой. Сколько я ни искал его взглядом, так и не смог увидеть.

Вскоре траурный кортеж скрылся из виду, и я отправился в обратный путь.

Дома я сбросил на пол груды «желтых» газет и журналов. В давние годы меня осенило, что в такой прессе на самом деле можно откопать зерна нужной информации (низкий поклон фильму о людях в черном). Сел перед компьютером. Как-то надо прожить день до девяти часов.

Полистал файлы. Открыл карту того района, который, как я думал и надеялся, скрывал загадку событий тридцатилетней давности. И... заснул.

– Антошка, беги на нулевой, скоро откроют шлюз, погуляешь, – мама что-то разглядывала в микроскоп. – Там сегодня солнце и уже совсем тепло.

– Мам, Павел сказал, что если я напишу хорошую программу, мне откроют доступ на второй уровень.

– Ты его неправильно понял, – папа стоял в дверях их квартиры-каюты (почему-то на этой базе высоко в горах были приняты корабельные термины). – Вот в конце лета вы с мамой отправитесь в Москву. Ты окончишь школу, поступишь в институт, и только после него, если вернешься на базу, может быть, получишь доступ на второй уровень.

– А на третий? Что там, на третьем?

– Много будешь знать и – что?

– Да ладно тебе, пап, мне все-таки двенадцать уже. Что ты со мной, как с маленьким.

– А мама права, погулять надо. Прогноз плохой, дня через два накроет снежная буря.

Потом не выйдешь.

Антон сначала нехотя вылез из-за компьютера, но выйдя из лифта в коридор нулевого (наземного) этажа, даже зажмурился от яркого солнца, сиявшего во все огромные окна холла. Мяч что ли взять? Можно попинать на таявшем снегу. Или попробовать вылепить большого снеговика-инопланетянина.

Из грузового отсека вышел дежурный охранник Гоша.

– Беги, одевайся, я сейчас открою, – сказал он и направился к пульту. – А день-то какой! Может, мне с тобой пойти? Да, боюсь, по шее надают, если пост покину.

Антошка метнулся в отсек, впрыгнул в ботинки на липучках, схватил куртку и подскочил к шлюзу. Гоша нажал кнопку, тяжелая герметичная дверь в полметра толщиной поползла было в сторону, но вдруг раздался вой сирены, на стенах замигали сигнальные лампы. Шторы-жалюзи с шипением опустились, дверь шлюза издала пронзительное пикание, означавшее, что она сейчас закроется. Гоша бросился к Антону, оттащил его подальше и, потеряв равновесие, упал.

В глазах мальчика потемнело, во мраке заплясали сверкающие точки, все поплыло. Он замахал руками, чтобы не свалиться рядом с охранником. Когда точки исчезли, жалюзи были открыты, и в ярком свете солнечного дня Антошка увидел Гошу, выходящего из отсека.

– Беги, одевайся, я сейчас открою. А день-то какой! Может, мне с тобой пойти?...

Дальше мальчик ничего не слышал, потому что летел к лифту.

Мама все так же сидела у микроскопа.

– Ты чего переполошился? Плановая проверка перед экспериментом. Гоше, наверное, уже сообщили.

– Меня тошнит, – пробормотал Антон.

Мама обеспокоенно взглянула на него.

– Ты совсем зеленый. Иди, я тебя посмотрю.

Она поднялась, поправила халат, подошла к сыну и хихикнула. Из ее уха выползла ярко-желтая многоножка и стала пробираться по щеке к носу. Антон заорал...

... и проснулся весь в поту. Шея затекла от неудобного положения: я спал, положив голову на стол.

Часы показывали половину девятого вечера.

Горячий душ смыл кошмар, оставив чистое воспоминание. В голове прояснилось. Я вновь и вновь прокручивал в памяти эту временную петлю, в которую попал ребенком. После этого случилось еще что-то, но оно пока пряталось в черноте.

Ровно в 21.00 я набрал номер. Мне ответили тут же, после первого гудка. Мужской голос назвал адрес и добавил, что меня встретят и проводят, куда надо.

СЕРГЕЙ

В кабинет заглянул дежурный.

– Из Заборья Коля Загайнов звонил. Там мужики труп выловили.

Капитан полиции Мика Шебеко (нет, конечно, не Мика, а Михаил Николаевич; но он здесь родился и вырос, и для всех в районе, похоже, так и останется Микой, при всем к нему уважении) оторвался от бумажек.

На берегу озера толпился народ. Мика чертыхнулся. Любопытство погубило кошку, как говорится в английской старинной поговорке (почему – кошку?), а здесь оно – это самое любопытство – сильно осложняет следствие. Где бы что ни случилось, тут же набегает толпа, не оставляя надежды найти хоть какие-то следы.

– Разойдитесь! – надрылся участковый Загайнов. – Мика, наконец-то.

– Все отошли, – вот он умел так сказать, что его сразу слушались. И притихли, и отошли подальше. А ведь только двадцать девять лет капитану Шебеко против его, Загайнова, сорока двух.

Облепленное тиной тело девушки лежало на берегу.

– Наташа Хромова, наша, из Заборья, – вполголоса произнес Загайнов. – Но так запутаться... Немыслимо.

Тело было, как в кокон, завернуто в рыбацкие сети.

– Кто нашел?

– Вон стоят.

Чуть в стороне от всех, понурившись, маялись трое мужиков со следами похмелья на мордах.

– Эй, мужики, подойдите, – позвал Загайнов, те подошли и встали, переминаясь с ноги на ногу и стараясь дышать перегаром в сторону от полицейских.

– Рассказывайте, как дело было, – Мика достал блокнот и приготовился записывать.

– Порыбачили, етить твою... Я думаю, моя сеть. У меня ее с заднего двора когда еще сперли, осенью поди. Там, глянь, починка моя приметная.

Мужики, начав рассказывать, слегка оживились, словно сбрасывая с себя часть жуткого груза.

– Неужто кто ее...? Может, она сама того, запуталась? Никто из нашей деревни такого злодеяствия сотворить не мог.

– Как же, «запуталась»? Так запутаться, знаешь, вертеться надо, будто вьюн. Завернули и утопили, точно.

– Типун тебе, Федор, на язык! Буди пришлый кто. А так – нее... Точно, сама утопла.

– Хватит галдеть, – Мика начал терять терпение. – Давайте по делу. Где в лодку сели, куда поплыли, где сети нашли, все по порядку.

Мужики повели Мику и Загайнова по берегу к зарослям ивняка. Там еще дымилось кострище.

– Вот тут мы, значит, на нашем месте с вечера обосновались, чтобы прямо с утречка и того...

– Сети поставить, – ехидно встрял Загайнов.

– Ну, – согласился самый бойкий из горе-рыболовов. – Еще только светать начало, мы и поплыли, значит. Даже не похмелялись, вот те крест! – вдруг вспомнил он важную деталь. – А тут у Ваньча весло застряло. Ни туда, ни сюда. Ваньч дернул, подалось. Мы багром. Край, значит, подцепили – сети. Потянули. Думаем, может, недавно кто поставил, так с рыбой и возь-

мам. А тут... рука. Мы звонить, а сами к берегу. Когда причалили, народ уж набежал, да и вы сразу подъехали. Вот и все.

– Где это было?

– А вон, видишь, дерево в воде. Оно аккурат справа от меня было. Там и зацепили.

Загайнов вдруг бросился куда-то, крикнув на ходу: «Бабоньки, держи ее!».

По пыльной дороге бежала женщина, странно загребая ногами и кренясь на один бок. Ольгу Павловну перехватили, не давая увидеть носилки с утонувшей дочерью, хлопотали, обняли и почти понесли назад, к деревне, несколько женщин.

Носилки с телом уже погрузили в машину. Эксперт подошел к Мике.

– Следов насилия, на первый взгляд, нет. Все подробности после вскрытия. Но, сам понимаешь, вода. Ни отпечатков, ни других следов, скорее всего, не будет.

Сергею мешало странное ощущение в голове, будто что-то колет над левой бровью тонкой иглой: не столько болезненной, сколько назойливой. Он сидел на заднем сиденье машины, глядя в бритый затылок водителя, и думал. Или ему казалось, что думал. Мысли путались в полусне, становились похожими на туман, который застилал дорогу и не давал разглядеть хоть что-нибудь дальше десятка метров. Деревья смыкались над дорогой живым туннелем.

– Ну и глушь, – пробормотал водитель.

Его жена, дремавшая рядом, завозилась.

– И здесь люди живут, – пробормотала она. – Далеко еще?

– До города километров пятнадцать осталось. Странно. Тут деревня рядом с трассой должна быть.

– Проскочили, наверное. Задумался, зазевался, как всегда, и знака не заметил.

– Может быть, – миролюбиво заметил водитель, которому не хотелось с самого утра начинать перепалку. На это будет еще целый день. А сейчас поскорее бы выехать из леса на открытое пространство, где утреннее солнце наверняка уже рассеяло этот чертов туман.

– Мне в Заборье, – Сергей очнулся, встряхнул головой. – Можно где-нибудь здесь тормознуть, я мимо озера пойду. Спасибо.

Машина остановилась, водитель вышел, зачем-то попинал заднее колесо, потянулся. Сергей положил деньги на сиденье, и отправился по тропинке через лес.

Солнце взошло и развеяло остатки туманных клочьев над водой. На зеркальной глади появлялись круги: наверное, кормилась рыба. В камышах раздался резкий всплеск. Сергей от неожиданности вздрогнул. Боковым зрением он заметил что-то на водной глади и резко обернулся. Скорее всего, крупный карп. А звук показался таким громким из-за странной тишины кругом: не слышно шума большегрузных фур с трассы, ни стрекота кузнечиков или жужжания пчел и слепней, ни пения птиц – ничего. Только неприятное ощущение взгляда в спину.

Деревенская улица была пуста, несмотря на ранний час. Сергей невольно ускорил шаг. Игла вонзилась в лоб, голова закружилась. В это ясное утро все вдруг показалось странно нереальным, размытым. Он огляделся. Заборы покосились, стекла окон, там, где уцелели, покрыты слоем грязи, из-за чего дома кажутся слепыми, в палисадниках вместо цветов крапива и чертополох с человеческий рост. В глазах потемнело, Сергей едва не упал от головокружения. Он наклонился, оперся руками о колени, сдерживая приступ тошноты. Продышался, вроде полегчало. Да... Контузия не прошла бесследно. Мерещится черт знает что.

За открытым окном одуряюще пахла сирень. Ее ветки нагло врывались в комнату, роняя капли ночного дождя на подоконник.

На огороде копошилась бабка. Она что-то монотонно бормотала, подвязывая чахлые кустики помидоров. Лиза мельком взглянула на улицу и снова обернулась к дивану, на котором

были разбросаны ее вещи. Надо собирать сумку и бежать, куда глаза глядят. Но на нее словно нашло оцепенение. Не было сил поднять руки, а ноги отказывались сделать хотя бы шаг.

Только ужас. И ступор. Может быть, она просто сходит с ума? Лиза ухватилась за спасительную мысль. Тогда все равно надо срочно уезжать и сдаваться в психушку. Лучше лежать в комнате с зарешеченными окнами, чем думать о том, что она видела. Или не видела? А все это бред?

Лиза начала лихорадочно пихать в баул все подряд, комом. Потом бросила, побежала к выходу, прихватив только сумочку с кошельком и паспортом.

Бабка уже стояла в дверях кухни, скорбно глядя на внучку.

– Ну вот, опять куда-то наладилась, нафуфырилась с утра пораньше. Дома сколь дён не метено, на кухне посуды немытой тазик, а она – гли-ко чо!

Она продолжала ворчать, даже когда за Лизой захлопнулась дверь.

– Петровна! Ты дома? – позвала с улицы соседка.

Бабка с веником в руках подошла к окну.

– Ну? Тут я.

– Ты выйди, выйди на минутку. Новости расскажу. Сергей вернулся, слыхала?

– Да ты чо?! – всполохнулась Петровна и кинулась к дверям, не выпуская из рук веника.

Соседка, молодая бабенка, когда-то была миловидной, но глаза ее припухли, стали щелочками, а синюшные щеки выдавали пьянчужку.

– Я его вот только сейчас видела. Хотела в магазин сбегать, гляжу, а он от озера идет. Видать, на попутке ехал, да через лес и дошел, – затараторила она. – Что будет? До Ленки добегу, ее предупреджу.

– Ну, ну? Погодь, успеешь до Ленки, – засуетилась бабка. – И как он, чо?

– Ой, хорош! Здоровенный... И раньше-то, мальчишкой, ничего так себе был, а уж теперь – всем девкам на погибель. Взрослый! Заматерел.

– Он чо, контрактник? Ранетый, небось, в военных действиях. А девки ему – чо? Вон какая за ним ухлестывала, а чем кончилось? Эх, Наташка, Наташка! Подождала бы маненько, глядишь, он бы и отсох от Ленки своей. Хотя, если за столько лет не отсох, то это уж все. Видать, совсем прикипел. Но я тебе, Нэлька, скажу: не дело это, если жена старше мужа будет. Вон за Ленкой какой козырь из района ухаживал: солидный, видный из себя. Серенька перед ним – тьфу!

Обе помолчали. Петровна поглядела на небо. Там творилось что-то непонятное. Белесое, тусклое марево дрожало, зыбко переливалось и при этом казалось тяжелым, как грозовые тучи.

– Дождя не будет, не слыхала прогноз? – поинтересовалась Петровна. – У меня помидоры повяли все. А погода все мречит, все мречит. Продыху нет от полива. Да! Я вот чего: ты мимо амбулатории пойдешь, забеги к ним аптеку, купи мне что-нибудь, чтобы спать. Вторую ночь глаз не смыкаю. По дому все ходит кто-то, мягонько так, ровно в валенках. А то вдруг заворчит тихонечко, да, знаешь, недовольно, досадливо, прям тоска берет.

– Выдумываешь все, – зевнула Нэлька. – Дом у тебя старый, тут скрипнет, там брякнет.

– Неет, я свой дом знаю.

Соседка еще постояла, глядя в одну точку, потом повернулась и пошла, чересчур старательно переставляя ноги. Остановилась, пробормотала: «За таблетками Лизавету пошли, она знает, что купить», и продолжила свое странное передвижение.

– Лизавету, как же! – забубнила Петровна, снова направляясь к своим помидорам. – Она все молчком да тычком. Ровно и не видит меня.

На небе марево собиралось в спирали, образовывало радужные завихрения, опускалось все ниже к земле, но этого почему-то никто в деревне не замечал. Не привык здешний народ вверх глядеть.

Сергей на секунду остановился на перекрестке: прямо – домой, направо – к Лене. Из кустов на дорогу вывалились два пьяных мужика. Они нечленораздельно мычали, одежда и морды в грязи и крови. Один из них с трудом поднялся, мотая головой, поднял здоровенную орясину, у второго в руке оказался кусок кирпича.

Сергей подскочил, сделал мгновенную подсечку одному, откинул другого. Бойцы разползлись по дороге, поднялись и, шатаясь, разбрелись в разные стороны.

– А разнять не пробовали? – хмуро спросил Сергей у стоявших неподалеку мужиков. Те отвернулись и побрели прочь, а один из них, невзрачный мужичок в засаленной кепочке, направился к парню, шаркая калошами, надетыми на босу ногу. При каждом шаге он словно приседал, как будто болели колени.

– Лихо ты их! – протянув руку, одобрил он. – Здорово! Это ты там, в десантуре, наловчился?

– В ней родимой. И часто у вас такие боины?

– Бывает, – дядька сдвинул кепчонку на затылок, – насмотришься еще.

– Что, пьют по-прежнему?

– Да кабы не больше. Чо ж, у людей ни дела, ни денег.

– А вы... – Сергей замялся.

– Да не мучайся, вижу, что не помнишь, – засмеялся мужичок мелким дробным смехом. – Нилыч я, Петр Нилыч Берсенов, ты ко мне еще школьником за блеснами прибежал, неужто совсем забыл? Ну да ладно. Пойдем, провожу.

Они направились к дому Сергея, не заметив полоумную Фаинку, которая наблюдала за всей сценой, сидя на чурбачке у своего дома. Как только мужчины скрылись за деревьями, Фаинка подскочила и понеслась к магазину.

По раннему времени покупательниц было мало. За прилавком продавщица взвешивала пряники одной из них, когда Фаинка вихрем ворвалась в двери.

– Сегодня Федька-рыжий и Димка не поубивали друг дружку! Не пришлось! Я ведь каждое утро гляжу, как они убиваются. А сегодня, ой, бабоньки, сегодня, откуда ни возьмись, Сережка, ну, Полинки-покойницы сынок, как налетел, как раскидал их в разные стороны! И куда они теперь? До завтешнего утра куда им деваться?

– Тетя Фаина, чего тебе взвесить? Вот, пряники мягкие, как раз для твоих зубов, – перебила ее продавщица.

– Мне фаршу для котов моих, еще куриных голов не осталось ли? Может, печеночка есть?

– Ты себе-то что будешь брать? Котам сейчас соберу пакет.

– А давай мне твоих пряничков. Штуки три.

Полоумная забрала свои покупки и вышла, кивая седой головой и что-то бормоча.

– Совсем Фаинка плохая стала. Мелет невесть что, – посочувствовала продавщица.

– В интернат ее надо, – наставительно произнесла женщина, что стояла у самого прилавка.

– Так жалко же! – отозвалась вторая, складывая в корзинку пакетики с конфетами. – В интернате разве уход? До могилы доведут как раз.

– Вот дождемся, что она всю деревню спалит, – злорадно промолвила первая. – Тогда опомнимся, да поздно будет!

– Фаинка безвредная, болтает только что ни попадя, – примирительно сказала продавщица.

– Ладно, ладно. Поживем-увидим. Не к добру это, – зловеще произнесла деревенская Кассандра и выплыла из магазина.

Нилыч молча шел рядом с Сергеем, искоса на него поглядывая.

Безлюдные улицы наводили тоску.

– Где все? – не выдержал Сергей. – В это время раньше скотину выгоняли, кур-уток кормили, а сейчас... Как вымерли.

– Не только скотины, людей в деревне почти не осталось. Многие перемерли, и не только старики. Больше по пьяни. А кто и грех на душу взял: руки на себя наложил. Вот Зинка в прошлую осень. Ейный муж к другой бабе ушел, так ничего лучше не придумала, как в петлю лезть, – охотно подхватил разговор Нилыч. – Ну, и поразъехались, конечно. Ты далече сей момент наладился? Твой дом прошли уже, а ты и не заметил.

– Я... я тут, недалеко, – замялся парень.

– Ленка твоя сейчас в клубе, в библиотеке. Нет ее дома.

– А ты откуда знаешь?

– Что ты к ней или что ее дома нет? – засмеялся Нилыч. – Да не тушуйся. Я мимо шел, замок на дверях.

– С улицы дверей не видно.

– Я приметливый, – снова хмыкнул Нилыч, остановился, придержал Сергея за руку и наклонился к нему. – Ты увидишь много непонятного, – проговорил он еле слышно и сделал шаг назад.

Парень отвернулся и, разглядывая тихую улицу, прикидывал, как бы избавиться от непрошенного попутчика.

– Пока осмотритесь, – раздался за его спиной хорошо поставленный низкий голос. – Но будьте очень внимательны и осторожны, Сергей Георгиевич. Примечайте мелочи, снимите шоры с глаз и ума. Особенно – с ума. Ну, а если понадобится помощь (а она, боюсь, понадобится!), милости прошу ко мне. В конце улицы мой дом, у ворот огромная липа. Не ошибетесь. Жду вас, милостивый государь, в любое удобное для вас время.

Сергей дико взглянул на Нилыча. Куда делся свойский деревенский мужичок с характерным говорком, то подшучивающий, то подмигивающий? Перед ним стоял господин со спокойным выражением красивого лица, доброжелательно смотрел на него, а взгляд был не только внимательным, но и печальным.

Петр Нилыч сделал полупоклон, повернулся и пошел по обочине дороги к своему дому. Походка была такой, будто на нем не старенькие драные галоши, а по меньшей мере лаковые штиблеты.

– Не бегал я к вам за блеснами. Я вас не знаю! – крикнул Сергей вслед странному господину. – Не могу вспомнить, потому что просто не знаю!

Тот даже не оглянулся. Шел себе спокойно по дороге.

Пожилый эксперт стянул перчатки.

– Пойдем-ка, Мика, на воздух.

Мужчины поднялись по трем раздолбанным ступенькам и вышли во двор районной больницы, оставив за дверью запахи смерти, медицинских препаратов и беды.

На улице было душно. Откуда-то взялся не то туман, не то смог. Ясное майское утро превратилось в тяжелый день.

– Так вот, следов насилия на теле нет. Она или уже мертва была, когда ее в сети заворачивали, или совершенно не сопротивлялась.

– Накачали чем-нибудь?

– Я отправил кровь на экспертизу, на наличие алкоголя, наркотиков, токсинов. Результаты придут, я тебе сразу позвоню. История мутная. Никогда такого не видел. Время смерти – около шести-восьми вечера. И примерно столько же тело пробыло в воде. Но она точно утонула, в легких полно воды. А туман, смотри, сгущается. Ты куда сейчас?

– Поеду назад, с людьми говорить, – вздохнул Мика. – Наверное, к Ольге Павловне попрошусь переночевать. Ну и присмотрю за ней заодно, как бы плохо не стало. Эту деревню будто рок какой-то преследует.

– Ты про зимний случай? – эксперт покачал головой.

Мика поежился.

– Мне он покоя не дает. Там одни вопросы и ни одного – ни единого! – ответа. Ладно, поеду. А то совсем дорогу не видно будет. Что с погодой творится! Сплошные аномалии.

Эксперт уже открыл дверь, но обернулся:

– Ты поосторожнее, Мика. Что-то мне не по себе. Я, конечно, медик, а значит, материал. Но предчувствия, знаешь, не спрашивают диплом.

Мика засмеялся.

– Спасибо, я буду осторожен. Как всегда.

– Знаю я тебя, – проворчал эксперт, скрываясь в темноте подвального коридора.

Когда Мика вырулил на трассу, погода снова разъяснилась. Машин было мало, и капитан принялся размышлять над загадками нового дела. Но та история трехмесячной давности, как заноза, давно засевшая в пальце, мешала, саднила и жутко раздражала. Поэтому Мика не замечал, что туман словно крадется следом за его машиной, съедая и федеральную трассу, и лес, подступавший к самой обочине.

Никому на свете капитан полиции Шебеко не признался бы, почему у него такая высокая раскрываемость. Иногда Мика *видел*. Он не смог бы внятно объяснить, что именно. Просто видел ответы на вопросы. Знал, когда ему врут. Замечал то, чего другие не замечали. Порой на долю мгновения в чьем-то лице улавливал изменения, которые невозможно было истолковать. Однажды во время допроса свидетельницы, пожилой медсестры районной больницы, ему померещилось, что ее зубы красны от крови, а не от небрежно нанесенной на узкий рот помады. Медсестру, убийцу восьмерых стариков, осудили на большой срок; улики были неопровержимыми. Мика знал, что и где искать. Он почти всегда *знал*.

Но зимой капитан блуждал в темноте.

Тогда, в феврале, после ясных морозных дней резко потеплело. В воздухе замелькали первые снежинки, по асфальту трассы побежали змейки начинающейся поземки.

Водитель-дальнобойщик сильно устал: ездка выдалась тяжелой. Уже через несколько часов он сдаст груз и получит приличную сумму денег. Успеть бы до метели. Край глаза зацепил в мутной белизне что-то ярко-синее. Водитель посмотрел в сторону – ничего. Он все-таки затормозил. Спрыгнул с высоких ступенек кабины и пошел обратно. В просвете ивняка на поле он снова увидел яркое пятнышко. Чертыхнувшись, водитель полез через снежные завалы.

Это была молодая женщина, учительница средней школы. Мика ничего не понимал. Накануне она опоздала на последний автобус. До поворота к деревне, где жила учительница, оставалось буквально сто метров. Если она шла по трассе, к чему было сворачивать на поле, через сугробы? Даже если по какой-то причине учительница не осталась ночевать у приятельницы, библиотекарки, от райцентра до Заборья не больше четырех километров. Вечер был ясным, мороз не сильным. Молодой здоровой женщине дойти до своего дома хватило бы часа, если не было попутков.

Дело даже не возбудили. Несчастный случай – и все тут. Капитана Шебеко никто не стал слушать. На свой страх и риск он потихоньку вел частное расследование. Ничего. Интуиция молчала. Мика решил, что способности покинули его. Но следующее дело – несколько ограблений почтальонов в районе – он раскрыл за четыре дня, отхватив очередную порцию похвал начальства и некоторой зависти сослуживцев.

Сейчас темнота была совсем беспросветной. Он приедет к Ольге Павловне, но ему нечего сказать и нечего спросить.

Эксперт залпом допил остывший кофе и, натягивая перчатки, направился в секционную. Ему не терпелось поскорее провести вскрытие, чтобы хоть чем-то помочь Мике в этом загадочном деле. Он открыл дверь и застыл на пороге. Стол был пуст. Тело исчезло.

На поляне у самого озера из-под коры большого трухлявого пня выполз мохнатый коричневый паук. Лениво шевеля лапками, он забрался наверх и встал в стойку, подняв передние конечности, словно молясь какому-то своему паучиному богу. Как по сигналу, из всех щелей вырвались тучи жирных зеленых мух, поползли в разные стороны многоножки, рой странных насекомых с длинными хоботками и жесткими крыльями поднялся и на миг завис над пнем. Все это разлеталось, расплзалось, наполняя безмолвие мерзким стрекотанием, щелканьем, жужжанием.

Вода в озере пошла кругами, вскипела. Черные пузыри на поверхности воды лопались с чавканьем, похожим на то, с которым лягушки ловят зазевавшихся стрекоз.

С жутким треском и грохотом в лесу упало дерево. А потом раздался звук, словно динозавр невероятных размеров сделал свой первый шаг.

АНТОН

Мне повезло: на проспекте была совсем небольшая пробка, и меньше, чем через час, я был у трехэтажного дома в самом центре города. Кованый забор, никаких табличек, по фасаду только большие темные окна. Я припарковал машину и отправился искать вход.

За углом дома тоже не наблюдалось никаких дверей. Я уже хотел достать телефон, чтобы уточнить, как же мне проникнуть внутрь здания, но тут кто-то, как сегодняшним утром, вновь похлопал меня по плечу. Да, это был тот же человек, что подходил ко мне у коттеджного поселка. Он молча кивнул на неприметный вход в подвал, мимо которого я, разумеется, проскочил.

Мы спустились к металлической двери. Мой спутник достал магнитную карточку, и мы вошли в «предбанник». Мужчина нажал какую-то кнопку, вторая дверь раздвинулась, за ней оказалась кабина лифта. Я вошел за ним. Лифт поехал вниз.

Проведя меня по ярко освещенным пустым коридорам, молчаливый спутник открыл одну из дверей.

За столом перед десятком мониторов сидела девица с синей прядью, свисающей на один глаз. Ее пальцы летали над несколькими клавиатурами, смотрела она при этом на огромный экран в полстены. Там на изображение спутниковой карты накладывались какие-то схемы, бежали пунктиры, вспыхивали яркие точки.

Седой мужчина, стоявший около стола, обернулся и кивнул на карту:

– Узнаешь, Антон?

Мне ли не узнать! Именно этот кусок страны высвечивался и на экране моего компьютера. Но искать там, среди гор, местоположение базы все равно, что иголку в стоге сена, если нет подсказок. У меня их не было.

– Вот, смотрите, – заговорила девица, – новая точка, там жуткая электромагнитная активность в последние сутки.

– Плохо, – мрачно сказал седой. – Место населенное. Это не глухая тайга.

– Им плохо, а нам хорошо. По двум точкам на окружности центр не вычислить, а у нас появилась третья. Совсем другое дело. Гляньте!

Пальцы девицы снова запорхали над клавишами, и на карте появилась сетка с кругами и линиями.

– Так-то так, но только представь, чем это грозит жителям?

– Команду отправлять надо.

– Которой нет, – еще мрачнее произнес седой. – Что в дверях топчешься? – обратился он ко мне. – Знакомься, это Агата. Меня, разумеется, не помнишь. Андрей Ильич меня зовут. Я тебя с матерью с базы вывез, тогда, накануне эксперимента. Ты вообще что-нибудь помнишь?

– Почти ничего, – ответил я и подошел поближе.

Седой заварил кофе в трех огромных кружках, одну брякнул перед Агатой. Сел за столик в углу комнаты и махнул мне рукой.

– Присядь, поговорим. Я тебя давно нашел, как только догадался, что ты девичью фамилию матери взял (кстати, зачем?). Но не хотел тревожить. Вдруг ты и думать забыл об этой истории. Я же знал, что на базе психотропные препараты применялись. Подписка о секретности – это одно. А фармакопея все-таки надежнее.

– А вы...?

– Я допуск не успел получить. Повезло. У меня там друг работал, я все рвался к нему. Ну как же! Эксперимент века! Новая эпоха! А увидел тебя на похоронах Зарубина, понял, что ищешь. Значит, что-то помнишь, значит, я тебе нужен, а ты мне. Ну, и Агата в теме. Вот пока и вся наша команда.

Агата в это время откинулась на спинку рабочего кресла, взгромодила ноги прямо на одну из клавиатур и произнесла:

– Предположительно – здесь.

На экране в пересечении паутины линий и пунктиров пульсировала красным яркая точка.

Андрей Ильич соскочил и устался на экран.

– Хотя что-то, – пробормотал он. – Конечно, диаметр еще большой, но если знать, что искать, можно рискнуть. Мне мой друг, видимо, в последний момент, с центрального пульта базы успел сообщение кинуть. Не знаю, почему его не отследили – сбой в системе, наверное, помешал. Он писал, что эксперимент проводить нельзя, большинство ученых категорически против. Но военные настояли. И это несмотря на последствия пробного запуска, когда пятьдесят человек пропали, а восемь, которых доставили из туннелей в непонятном состоянии, погибли. Тогда твой отец сделал невозможную вещь – отправил вас долой с базы. Меня как раз из Москвы послали с секретным разрешением, подписанным главами нескольких государств. Ракитин просто привел вас на площадку, запихнул в вертолет, забрал у меня кейс с документами и дал летчику отмашку. Мы улетели. Все.

Я как будто увидел искореженные в нелепых позах фигуры, их везли на каталках по коридору первого уровня к лазарету. Спрятавшись за дверью, никем не замеченный, я трясся в лихорадке ужаса, узнав среди рабочих в синих и оранжевых комбинезонах дядю Володю. Одна нога его, согнутая в колене, была поднята, вторая свисала с каталки, но не покачивалась при движении, а застыла в невозможном изгибе. Руки с растопыренными пальцами оцепенели перед его лицом, искаженным до неузнаваемости. Дядя Володя проводил со мной много времени. Однажды он печально сказал, что на Большой Земле у него остался сынок, вот такой же, как я. Не грустите, попытался я его утешить, вахта кончится, вы вернетесь к семье, к своему сыну, и все будет хорошо. Он покачал головой и ничего не ответил. И мы продолжили мастерить для меня классный электромобиль.

– Последствия эксперимента оказались непредвиденными. С тех самых пор время от времени происходит пространственно-временное возмущение, как мы предполагаем, в пределах действия установки, – продолжил Андрей Ильич. – Мне не удастся добыть хоть какую-то информацию. С базы, кроме вас, никто не вернулся. Ее законсервировали, строжайше засекретили. Но, вероятно, иногда происходит самопроизвольное включение если не всей установки, то ее модулей. В последнее время вихревые возмущения активно проявлялись вот в этих местах (Агата нажала на клавишу, экран вспыхнул двумя синими точками). Тут тайга, ближайшее поселение в трехстах километрах, а здесь море. Но вчера что-то произошло в сред-

ней полосе. Жителям угрожает реальная опасность; совершенно непредсказуемо, что случится при возникновении пространственно-временной дыры. Какая гадость оттуда полезет или, наоборот, втянет туда все живое в округе. Вот так-то. Необходимо разыскать базу и отключить установку. Но сначала выяснить, что происходит в месте новой активности.

Следующим вечером мы втроем выехали в Нижегородск.

СЕРГЕЙ

Петр Нилыч давно скрылся из виду, дорога была пустынна в обе стороны, а он все стоял в остолбенении. Опять появилась мысль, что контузия еще сыграет с ним немало шуток. Сергей представил, как на него посмотрит Лена. Он же стал совсем другим. Уехал выпускником школы, умненьким мальчиком, а вернулся накачанный внешне, но совершенно изломанный внутри вчерашний солдат, десантник с войны. К тому же еще, похоже, с проблемами психического порядка.

Все равно. Лучше сразу. И Сергей вскоре взбегал по ступенькам на второй этаж сельского клуба, где была библиотека.

Он открыл дверь и попал в сумрачную тишину и прохладу. Никого не было. Стоя на пороге, Сергей прислушался к шороху где-то в глубине стеллажей.

– Лен, ты здесь? – осторожно позвал он. И она появилась бесшумно, как призрак.

Он смотрел во все глаза, узнавал и не узнавал ее. Пять долгих лет прошло с момента, как она появилась в их классе, встала у доски и ждала тишины.

– Эй, новенькая! – оживился Игорь Махнев, красавец и разгильдяй, любимец и учителей, и одноклассников их 11 «Б». – Садись со мной, красотка!

Она все так же стояла, и тут всплыла директриса. Поправила очки и промолвила, что Елена Евгеньевна будет преподавать у них физику. Прошу, дескать, с пониманием и уважением отнестись к молодому учителю. «Без сомнения!» – охотно поддержал директрису Махнев. – «Мы со всем пониманием и уважением, с нашим удовольствием!»

Директриса погрозила ему пальцем и выплыла из класса. А Сергей пропал. Вот в ту самую минуту он понял, что это – чудо, и он встретил единственную женщину в мире, которая была предназначена именно и только ему. Он даже не подумал, что Лена может быть замужем или просто у нее есть своя жизнь. Это не имело никакого значения. Разумеется, про нее мигом все разузнали: мужа нет, только что из института, живет у тетки. Когда Лена почему-то опаздывала на рейсовый автобус, она подсаживалась в школьную «Газель». Сергей со своего сиденья в самом хвосте машины обычно видел ее из окна, а потом, едва дыша, смотрел, как она входит, улыбается школьникам, здоровается.

Это была не влюбленность. Может быть, даже и не любовь. Сергей просто жил в счастливой уверенности, что ему сказочно повезло – одному на миллион, он раз и навсегда обрел то, что обычно называют «второй половиной». Поэтому никто не догадывался о том, что с ним происходит: он был спокоен. Спокоен и счастлив. Читал книги, заучивал наизусть стихи, слушал музыку, смотрел на малиновый закат, а сам все эти сокровища прятал в тайный сундучок, чтобы в один прекрасный день разделить их с Леной. В его воображении они вели долгие разговоры, гуляли по берегу озера и мечтали о будущей счастливой и долгой жизни.

Утром после выпускного бала Сергей появился на пороге ее дома с огромным букетом. И тогда его жизнь кончилась. Елена Евгеньевна шарахнулась от его признания на другой конец комнаты. «Это невозможно, – пробормотала она, – это совершенно невозможно...» И вышла. Она просто вышла и прикрыла за собой дверь.

В своих фантазиях Сергей зашел так далеко, что этот визит с предложением руки и сердца казался ему простой формальностью. В одну секунду все разлетелось на тысячу осколков.

В этот же день на последнем автобусе он уехал в Нижегородск и с самого утра пришел в областной военкомат. Армия, четыре года службы по контракту, война, контузия. И вот он

снова здесь, смотрит на нее и понимает, что ничего не изменилось: она все та же – его единственная.

Сергей осторожно обнял ее, мельком удивившись, какая она маленькая.

– Ты откуда? – спросила Лена, как будто проснулась. – Откуда ты взялся?

– Только что приехал. Даже дома не был. Хотя – что там делать? Наверное, все паутиной и пылью покрылось. А ты? Почему ты здесь? Тебе же нравилось в школе?

– Я все забывать стала, – Лена высвободилась из его рук и села к своему столу. – Заболела, наверное. И сейчас помню как-то смутно. По врачам не ездила, – опередила она вопрос. – Вот, здесь оказалась. Тут хорошо, тихо. Только холодно. Солнце на эту сторону не попадает совсем.

Сергей только сейчас заметил в стороне диванчик с подушкой и пледом. И часто она здесь ночует? Ему было не по себе. Лена сидела молча, уставившись в бумажку на столе. Сергей увидел, что это какой-то циркуляр и лежит он на столе «вверх ногами». Минуты ползли.захотелось уйти или закричать, только бы разрушить тишину, от которой звенело в ушах.

Она словно почувствовала, встала, постояла, покачиваясь и все так же глядя на бумажку, и, наконец, подошла.

– Отсюда озеро видно. Только никто не купается почему-то.

– Правда? – Сергей с облегчением выдохнул и подошел к окну. Вдали, за крышами деревенских домов, свинцовым блеском тускло мерцало озеро. Полоса леса за ним казалась совсем черной. Но прибрежный пляжик не мог быть виден.

Вдруг Лена, стоявшая за его плечом, издала странный звук. Сергей обернулся. Она, оскалившись, глядела за стекло; нижняя челюсть подрагивала, из ее горла вырывалось что-то, похожее на мявканье кошки, которая видит недосыгаемую добычу. Ее пальцы скрючились, глаза побелели от ярости.

По пустой дороге шла безобидная Нэлька своей странной деревянной походкой. В прозрачном пакете была видна бутылка. Вот ее догнал Леха, и дальше они отправились вместе. Сергей его прекрасно помнил. Хороший работающий мужик, жена, сын поступил в институт в самой Москве. А Леха вдруг начал спиваться. Его жалели. Но мужик тихо, в один день, ушел от жены, спокойной и незаметной, и радостно пристроился к Нэльке; та была много моложе, и, оказывается, давно уже приглядела его на совместных возлияниях. Кто из них вызвал такой припадок ненависти, Сергей не понимал. Он хотел успокоить Лену, отвести вглубь комнаты, но вдруг почувствовал жуткую дурноту – предвестницу галлюцинаций и очередного приступа. Глубоко дыша, он вцепился в подоконник, не в силах отвести взгляда от снежной равнины, которая простиралась за окном до самого горизонта. Мертвенный рассеянный свет луны меркнул из-за затягивающих небо снеговых туч.

И все погасло.

Когда Сергей пришел в себя, деревню уже окутали поздние сумерки. Небо было красноватым, словно майское закатное зарево задержалось, застряло в густых облаках.

Лена спала на своем диванчике, укрывшись пледом с головой. Пусть спит, решил Сергей, а пока надо сбегать домой, посмотреть, как там и что, и забрать ее к себе на несколько дней. А потом – уезжать, увезти ее отсюда. Снять в городе квартиру, лечь в госпиталь, подлечиться и начать новую чудесную жизнь. Он направился было к двери, но от противной слабости задрожали ноги, и сил хватило только на то, чтобы добрести до диванчика и пристроиться на самом краешке. Сергей обнял Лену и мгновенно уснул.

Утро было тяжелое и мутное. Солнце затянулось пыльной пеленой. Душный неподвижный воздух словно застревал в горле.

Громкую перебранку у магазина Мика услышал издали. Шофер школьной «Газели», совершенно обескураженный, вяло отругивался от женщин, которые насакивали на него и махали руками. Растерянные школьники молчаливой стайкой жались в стороне.

– Куда ты их завез, говори? – одна из мамаш размахивала костистым кулачком прямо перед носом водителя. – Ишь, глаза залил. Детей возишь, лешак тебя понеси! А ну, дыхни!

– Да не пил я! – взвился шофер. – Ни вчера, ни неделю назад. Знаешь ведь, что не пью. Погонят с работы, оно мне надо?

– Что случилось, Николай Федотыч? – спросил Мика. – С машиной что-то?

Шофер схватил капитана за рукав и отвел подальше от разъяренных женщин.

– Ты не подумай, что я сбрендил, но, понимаешь... даже не знаю, как сказать. Понимаешь, трассы нет! Еду себе, мостик переехали, а дальше – ничего, машина едет, а будто на месте стоит. Нет, не так, не могу объяснить. Ну, я ребятишкам сказал, что с дорогой что-то, без уточнений, развернулся и назад. Еду, а по спине мороз: а ну как в деревню вернуться не смогу? Ужас такой охватил, веришь, чуть в кювет не влетел. Выровнялся, а тут и дома на окраине показались. Знаешь, Мика, я такое облегчение почувствовал, будто от смерти спасся!

– Пошли! – скомандовал Мика и решительно направился к «Газельке».

Женщины бросились было к нему, но он молча раздвинул их, влез в машину и скомандовал уже оттуда: «Берите детей, мамыши, и по домам!».

Николай Федотыч взобрался за руль, покосился на своего пассажира, мелко перекрестился, и машина тронулась с места.

Шофер вел с черепашьей скоростью, не выше 20 километров в час, и Мика не торопил его, а внимательно вглядывался в дорогу. И тут к ним наперерез бросилась девушка. Она заколотила кулаком по бамперу. Машина остановилась. Нервы у тишайшего Николая Федотыча не выдержали, он выскочил и загнул такую фигуру речи, что у Мики отвисла челюсть: от шофера никто никогда не слышал ни одного нецензурного слова. Он возил детей больше десяти лет и привык строго следить за тем, что говорит. Мужики, вставлявшие мат скорее для связи слов, при нем невольно начинали пользоваться эвфемизмами. Да и школьникам было несдобровать, если они позволяли себе ругнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.